

О романе Нистора "Семья Машбер"*

* Статья опубликована впервые в "Литературной газете" No 36 (887) от 30 июня 1940 г.

Источник: А. Гуриштейн. Избранные статьи. М.: Советский писатель, 1959. С. 153 - 160.

Сканирование: А. А. Гуриштейн.

Распознавание: В. Есаулов, апрель 2009 г.

1

К незаслуженно мало известным у нас именам относится имя выдающегося еврейского советского писателя -- Нистора. Нистор-- по преимуществу прозаик, но он неоднократно обращался также к поэзии. Историк еврейской литературы с пристальным вниманием отнесется к его поэтическому творчеству, так как он увидит в нем зерна, давшие замечательные ростки в дальнейшем развитии новейшей еврейской поэзии. Творчеству Нистора многим обязаны в своем развитии такие еврейские поэты, как Л. Квитко, Л. Резник, Э. Фининберг.

Ранняя проза Нистора стояла на грани поэзии. Это предопределялось общим символистским направлением его раннего творчества. Нистор был не столько рассказчик, сколько сказочник, пытавшийся сочетать старинные сказки одного из хасидских учителей, Нахмана Брацлавского, с новейшими символистскими исканиями последнего из еврейских классиков -- Ицхок-Лейбуша Переца. Царство этих "сказок" Нистора было населено традиционно-сказочной "флорой" и "фауной". Язык их был стилизацией библейского и средневекового еврейского фольклора. Одним из основных персонажей "сказок" Нистора был "геер", т. е. путник, искатель, никогда не останавливающийся, неустанно продолжающий свои поиски. Ни цель, ни смысл этих поисков не названы у Нистора. Да вряд ли они были достаточно ясны самому писателю. Они сокрыты у него под покровами традиционной символики. Недаром псевдоним писателя -- Нистор -- значит: тайный, сокровенный.

Но одно было совершенно бесспорно. Созданный Нистором мир вымысла ("Вымыслом" назывались отдельные сборники его "сказок") был убежищем от ужасов и бессмыслицы капиталистической действительности, чуждой его писательскому дознанию и восприятию. Писатель искал правды, красоты, смысла и находил их там, где их находили многие его предшественники-мечтатели -- в созданиях фантазии, в наивной игре мечты и мысли, в сплетении слов и звуков, за которыми чудилась магическая сила власти и покорения мира. Такое убежище было, конечно, утопическим по самой своей природе. В таком убежище трудно было скрыться от действительности, которая требовала прямых ответов на "вопросы роковые". Особенно трудно было скрыться писателю, обладающему ищущей мыслью и честным сердцем.

2

Великая Октябрьская социалистическая революция, конечно, явилась для Нистора огромной проблемой. Трудность этой проблемы заключалась не в субъективном 'приятии' революции. Революция прежде всего уничтожила старую действительность, которая была чужда, ненавистна писателю. И уже с этой точки зрения революция представлялась освободительницей. Мечтатель и романтик, Нистор вскоре увидел и те новые, широчайшие горизонты, которые революция открывала для человеческой мечты, для поисков его неутолимого "путника".

Но трудность проблемы революции встала перед Нистором как художником. Символистский художественный метод, который он до того применял, явно нуждался в замене. А путь к реализму был для Нистора, художника глубоко органического, чрезвычайно трудным. Присущая писателю внутренняя стойкость, внешне оборачивавшаяся "упрямством", не позволяла ему так легко сменять позиции. Возник спор с самим собой, с большим художником, с его художественным мировоззрением, с его традициями, с его искусством. Мы не будем останавливаться здесь на отдельных этапах этой борьбы. Скажем только,